

«Чужой», режиссер Ридли Скотт

«Ночь кровавой твари», режиссер Бернард Ковальски

«Эксперимент Квотермасса», режиссер Вэл Гест

«Это пришло из другого пространства», режиссер Джек Арнольд

«Вторжение похитителей тел», режиссер Дон Сигел

«Нечто», режиссер Кристиан Ниби

фильм. О богах, подобно инженерам, конструирующих вселенную, и об инженерах, возмнивших себя богами. О людях и андроидах. О прародителях и их неблагодарном выводе. Но Скотт, что бы он там ни думал о рождении жизни на Земле, прежде всего режиссер. И «Прометей» может рассматриваться как приквел не только к саге о «чужих», но и к целому направлению экранной фантастики, которое можно приблизительно определить как кино о «тайном вторжении», или, если апеллировать к шедевру Дона Сигела (1956), переснятому Филом Кауфманом (1978) и Абелем Феррарой (1993), кино о «вторжении похитителей тел». Ведь «чужие» — не что иное, как посторонняя сила, овладевающая человеческим телом. Твое тело еще может какое-то время двигаться, разговаривать и есть — ух, как есть! — отложенные в теле яйца требуют прокорма. Но это уже не «ты», а «оно». Жанр, совместивший мотивы вампиризма и чудовищного рождения, страх перед «красным» вторжением в патриархальную Америку, а затем и страх перед ставшим близким, но от того не менее опасным космосом — один из самых (без дураков) страшных жанров фантастического кино. В связи с «Прометеем» уместно припомнить его генеалогию. В филь-

ме Джека Арнольда «Это пришло из другого пространства» (1953), поставленном по Рею Брэдбери, и во «Вторжении похитителей тел» Сигела вторжение происходило еще исподтишка. Просто обитатели городка на краю аризонской пустыни начинали после приземления в окрестностях космического корабля вести себя как-то не так. Мальчик, отшатнувшись от женщины, бежал по дороге с криком: «Это не моя мама!»... Герой фильма Роджера Кормана «Завладев миром» (1956) еще строил иллюзии насчет возможного благотворного эффекта подчинения человечества «чужому» разуму. Но герой Сигела впервые заглядывал в лабораторию «чужих»: обнаруживал в доме своего друга отвратительные стручки, один из которых, лежащий на бильярдном столе, представлял собой наполовину готовую копию соседа Джека. А сам Джек с беспомощным ужасом смотрел на «это». Тягостная физиология саги о «чужом» восходит именно к этому, переломному в мировой кинофантастике эпизоду. Дальше — больше: последующие версии «тайного вторжения» предвосхищали «Чужого» по количеству крови и слизи. В «Эксперименте Квотермасса» (1955) Вэла Геста единственный уцелевший член экипажа космического корабля, в теле которого обжился «чужой», мутиро-

вал в кровохлеба, терроризирующего ночной Лондон, абсорбирующего в себя любую органическую материю и рассеивающего вокруг гадкие споры инопланетных чудищ. Совсем как в «Чужом», вынашивал внутри себя эмбрион монстра умерший и якобы воскресший космонавт в «Ночи кровавой твари» (1958) Бернарда Ковальски. Но на долгое время тема «тайного вторжения» заглохла или эмигрировала в такое признанное экранное «гетто», как итальянское жанровое кино («Ужас в космосе» Марио Бава, 1965). «Чужой» Скотта дал ей новый импульс. Джон Карпентер переделал (1982) на свой лад «Нечто» Кристиана Ниби (1951), прибавив размороженному полярниками пришельцу, помимо неистребимой мощи, свойство переселяться в тела людей и собак. А Джек Шольдер снял одну из самых адреналиново-наглых вариаций на тему — «Скрытый враг» (1987). Затем наступила новая пауза. Человечество вернулось к иным, более привычным и менее тревожащим страхам: старым добрым вампирам, зомби. Но визионер Ридли Скотт может взбудоражить это готическое болото, раскрыв людям глаза на самую большую опасность — опасность перестать быть самими собой.